Базилиус

Рассказы - 3

Роберт Силверберг

SHOUT
SHARE
IT

- Базилиус

Базилиус

Роберт Силверберг. Базилиус.
Robert Silverberg. Basileus (1983)

За окном неспешно догорают лимонно-желтые октябрьские сумерки.

Каннингэм, устроившись за компьютером, чуть касается пальцами клавишей и вызывает ангелов. Загрузить нужную программу для него секундное дело. Еще несколько секунд уходят на поиск нужного файла, и они являются на экран, послушные его зову: Аполлион, Анауэль, Уриэль и все прочие. Уриэль, дух-громовержец, Аполлион-разрушитель, дух бездны, Анауэль, покровитель банкиров и брокеров. Каждому свое, от самых скромных до утонченно-благородных. «Всякое существо в этом мире имеет своего доброго ангела», – пишет святой Августин в своем трактате «Восемь вопросов».

Сейчас в компьютере Каннингэма тысяча сто четырнадцать ангелов. И каждый вечер он прибавляет новых, а конца им все не видно. В четырнадцатом веке последователи каббалы доводили число ангелов до трехсот одного миллиона шестисот пятидесяти пяти тысяч семисот двадцати двух. Еще раньше Альберт Великий писал, что каждый ангельский хор заключает шесть тысяч шестьсот легионов, а в каждом легионе ровно шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть ангелов, так что, если количество ангельских хоров неизвестно, легко представить себе, скаль грандиозен ангельский сонм.

Рабби Йоханан говорит в талмуде: «Новые ангелы нарождаются с каждым словом, слетевшим с уст Его, да будет благословенно в веках имя Его».

Следовательно, число ангелов поистине бесконечно. А компьютер Каннингэма, несмотря на расширенный объем памяти и возможность подключения к огромному вычислительному центру Министерства обороны, не в состоянии вместить бесконечность. Каннингэм и без того проделал титанический труд. Шутка ли создать тысячу сто четырнадцать ангелов всего за восемь месяцев работы по вечерам!

Один из нынешних его любимцев – Араил, дух архивов,

библиотек и каталогов. Каннингэм сделал его еще и духом компьютеров. Араил показался ему наиболее подходящей фигурой для столь ответственного занятия. И теперь он частенько вызывает Араила, чтобы обсудить с ним нюансы программирования. Есть у него и другие излюбленные персонажи, хотя его неизменно притягивает все мрачное и зловещее. Среди тех, к кому он нередко обращается, – Азраил, ангел смерти, и Ариох, ангел мщения, Зебулеон, который будет в числе тех девяти ангелов, что вострубят конец света. На своей основной работе Каннингэм занят тем, что с восьми до четырех составляет программы отражения советского ядерного удара, и это, по всей видимости, определило его апокалипсический взгляд на мир.

Он должен сообщить Араилу неприятную новость. Для вызова духов он пользуется старинной магической формулой, вычитанной в старинной книге Артура Эдварда Уэйта «Лемегетон или Малый ключ Соломона». Достаточно легкого нажатия клавиш, и на дисплее вспыхивает текст заклинания: «Взываю к тебе, о дух Н. и повелеваю явиться предо мной в зримом обличье, ласкающем взор!» Каннингэм обращается к духу, упоминая сокровенные имена бога Великого: Саваоф, Илион, Адонай. «Всеми силами души моей приказываю тебе исполнить волю мою во всем, что почитаю благим. Посему предстань пред очами моими без промедления смирен и послушен. Голосом говори ясным и чистым, наречие избери понятное мне». Поиск магической формулы занимает какую-нибудь долю секунды. Нужно лишь заполнить позицию Н. именем требуемого духа – сегодня это Араил, – и тот покажется на экране.

Каннингэм работает со своими ангелами по вечерам, с пяти до семи.

Затем обедает. Он живет один в небольшой квартирке без излишеств, чуть западнее автострады Бейшор, и предпочитает не растрачивать время в дружеских компаниях. При этом он считает себя приятным и, несмотря на весьма замкнутый образ жизни, общительным человеком. Ему тридцать семь лет. Он высок, рыжеволос, голубоглаз. Лицо его, как бывает у рыжих, присыпано веснушками. За плечами у Каннингэма Калифорнийский технологический и аспирантура в Стэнфордском университете. Последние девять лет он занимается подготовкой суперсовременных программ в вычислительном центре Министерства обороны, что в Северной Калифорнии. Он до сих пор не женат. Работу со своими ангелами изредка продолжает после обеда, но допоздна не засиживается, и уже в десять вечера отправляется спать. В пунктуальности ему не откажешь.

Он придал Араилу форму своего первого компьютера, маленького TPC-80 с крыльями, обрамляющими экран. Поначалу он намеревался придать Араилу более абстрактный вид, скажем, множества килобайт, но эту идею постигла судьба других наиболее интересных его замыслов: она оказалась практически невыполнимой, и найти подходящее графическое выражение для своих замыслов он так и не сумел.

– Я хочу известить тебя, – обратился к нему Каннингэм, – относительно ряда изменений в твоих полномочиях.

Он разговаривает с ними по-английски, хотя знает из древних, но, возможно, не бесспорных источников, что ангелы должны изъясняться на иврите. Впрочем, иврит не относится к числу языков, используемых в его компьютере, да и сам он не владеет им. Ангелы беседуют с ним по-английски, ибо ничего другого им просто не остается.

– С этого момента, – продолжает Каннингэм, – в твоем ведении остается только аппаратура.

Сердитые зеленые молнии мечутся по экрану.

– По какому праву ты?…

Каннингэм спокойно замечает:

– Права здесь ни при чем. Необходимо разделить ваши полномочия. Я только что закончил нового ангела. Назову его Вретил. Теперь надо определить его задачи. Его дело – запись информации, так что он волей-неволей вторгается в твою область.

Араил меланхолично вздохнул:

– Вот уж о ком тебе не следовало беспокоиться, так это о нем.

– Как я могу пренебречь столь значительной фигурой? Это же носитель сокровеннейшего знания. Хранитель священных книг. Мудрейший из архангелов.

– Пусть твой мудрейший распоряжается техникой, – все так же мрачно ответствовал Араил.

– Но я уже отдал ему банк данных.

– А где содержится банк данных? Все там же, в аппаратуре. Пусть ее и забирает.

– Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие заниматься вашими спорами, ты ошибаешься. Но справедливость превыше всего. Я должен следить за тем, чтобы каждый из вас получил свое. Ему я отдам все банки данных плюс программное обеспечение для них. Остальное – тебе.

– Очень много: экраны, терминалы, персональные компьютеры!

– Зато без тебя, Араил, он не сможет сделать ничего. Кроме того, ты занимаешься картотеками, не так ли?

– А также библиотеками и архивами.

– Знаю, знаю, но как определить, что такое «библиотека»? Полки, стеллажи, книги или то, что написано на страницах книг? Необходимо все-таки различать содержание и форму, в которую оно заключено.

– Любишь казуистикой заниматься, – снова вздыхает Араил. – Крючкотвор несчастный. Слова в простоте не скажешь.

– Послушай, Вретил не прочь отхватить себе еще и аппаратуру, но может удовлетвориться компромиссом. Что скажешь?

– Скажу, что мнишь себя Господом Богом, хотя ты всего лишь наш программист, – заявляет Араил.

– Не богохульствуй. Согласись на технику, прошу тебя.

– Твое слово – последнее. Впрочем, как всегда.

Разумеется, компьютер подвластен воле Каннингэма. Ангелы, хоть и любят препираться да и характер у каждого непростой, всего-навсего магнитные импульсы, рождающиеся в недрах сложнейшей техники. Спорить с ним на равных они просто не могут. Они понимают это не хуже Каннингэма, который, впрочем, никогда не пользуется своим преимуществом.

Роль, которую он себе отводит, действительно напоминает Бога-Вседержителя, но думать об этом ему как-то неловко. Не кто иной, как он закладывает их в компьютер, решает, чем им заниматься и создает их неповторимые характеры. Даже их внешний облик – плод его собственной фантазии. По своему желанию он вызывает их или обрекает на длительное забвение. Чем не Господь Бог?

Каннингэм старается уйти от подобных мыслей. В небожители он не стремится, о Боге предпочитает не думать. А вот в семье у него религия была в почете. Дядя Тим избрал стезю священнослужителя, да и среди дальних предков у них в роду помнят церковников. Мать мечтала о том, чтобы он стал священником, но Каннингэма влекло иное. В раннем возрасте он проявил столь неоспоримые и столь выдающиеся способности к математике, что мать была вынуждена признать: его будущее – точные науки. Тогда она принялась вымаливать для него у Господа Нобелевскую премию по физике. Каннингэм вновь поступил по-своему и предпочел всему остальному компьютерную технологию. «Ну так я попрошу у Пресвятой Девы для тебя Нобелевскую премию за компьютеры», – настаивала мать. «Такой премии еще нет», – урезонивал он ее, зная, что она все равно будет заказывать службы за успех его научных изысканий.

История с ангелами начиналась как развлечение, которое очень быстро превратилось в насущную необходимость. Просматривая старинный «Словарь ангелов» Густава Дэвидсона,

он наткнулся на упоминание об ангеле Адрамелехе, вместе с Сатаной, взбунтовавшемся против Господа, за что оба мятежных духа были изгнаны с небес. Каннингэм подумал тогда, что было бы занятно создать компьютерный аналог бунтовщика и побеседовать с ним. По сведениям Дэвидсона, Адрамелеха изображали то в образе льва с бородой и крыльями, то наподобие мула, сплошь покрытого перьями, то в виде павлина.

Древний поэт писал о нем так: «Враг Всевышнего, по злобности и коварству превосходящий самого князя тьмы, еще более гнусный и отвратительный, чем сам Сатана». Это заинтересовало Каннингэма. «А почему бы и не попытаться?» – решил он. С графикой сложностей не было. Каннингэм сразу остановился на образе крылатого льва. Это программирование характера заняло месяц напряженной работы и потребовало консультаций со специалистами по искусственному интеллекту из Кестлеровского центра. И вот на свет появился Адрамелех: таинственный и демонически притягательный. Адрамелех с нескрываемым удовольствием пускался в воспоминания о прежних временах, когда он еще был божеством ассирийского пантеона. Он любил рассказывать о своих беседах с Вельзевулом, который удостоил его чести стать кавалером ордена Повелитель Мух, иначе называемого Великий Крест.

Затем Каннингэм создал Асмодея, еще одного падшего ангела, которому, как известно, приписывается изобретение танцев, музыки, азартных игр, театральных спектаклей, французских мод и прочих вольностей. Он вышел похожим на шикарного богача-иранца из Беверли Хиллз. Асмодей и подал ему идею продолжить серию ангелов. Теперь, чтобы как-то уравновесить темные силы и силы добра, ему пришлось прибавить к своим первенцам архангелов Гавриила и Рафаила. Следующим его творением был Форкас, обладающий силой делать людей невидимыми, возвращающий утерянное, мастер логики и риторики.

Со временем игра так захватила Каннингэма, что он уже не помышлял о том, чтобы остановиться.

Его настольными книгами стали сочинения мистиков: апокрифы, изданные М. Р. Джеймсом, «Книга магических ритуалов и священной каббалы» Уэйта,

«Мистическая теология и божественные иерархии» Дионисия Ареопагита и тому подобные раритеты, которые он теперь постоянно разыскивал через банк данных Стэнфордского университета. Умудренный опытом, он ухитрялся закладывать в свой компьютер по пять, восемь, а то и двенадцать новых ангелов каждый вечер. А однажды летом, засидевшись дольше обычного,

создал сразу тридцать семь ангелов. Их становилось все больше, они заполняли собой объем памяти компьютера, иной раз пересекаясь своими программами.

Ему стало казаться, что в его отсутствие они ведут долгие беседы между собой.

Он никогда всерьез не задумывался над тем, верит ли в существование ангелов, как не задумывался над верой в Бога.

Его интересовало техническое воплощение идеи, а не религиозные споры.

Как-то за ленчем он рассказал одному из коллег о своем занятии, и тут же пожалел об этом. Сослуживец недоумевающе пожал плечами.

– Ты это серьезно, Дэн? Веришь в ангелочков с крылышками и всяческие чудеса?

– Я программирую ангелов, а для этого вовсе не обязательно верить в них. Положа руку на сердце, я до сих пор не могу сказать, что верю в существование электронов и протонов. Во всяком случае своими глазами я их не видел, но это не мешает мне работать с ними.

– А для чего они тебе нужны, эти ангелы?

Продолжать разговор на эту тему Каннингэму больше не хотелось.

Вечера обычно проходят так: сначала он вызывает нескольких ангелов, намеченных заранее, и ведет с ними беседы, остальное время уходит на разработку новых. Его хобби требует все больше подготовительной исследовательской работы. Литература, имеющая отношение к духам, поистине необъятна, а он привык самым тщательным образом изучать любой вопрос, за который брался. Он мог бы работать быстрее, но приходится добиваться полного соответствия внешности ангелов описаниям в священных книгах. Он не желает малейшей неточности и постоянно копается в семитомном собрании «Еврейских легенд» Грюнберга, обращается к «Пророческим эклогам» Клементе Александрийского, к трудам Блаватской.

Сегодняшний вечер он начинает, вызывая Хагита, который управляет планетой Венерой и четырьмя тысячами ангельских легионов. Каннингэм беседует с ним о превращениях металлов: Хагит в этом деле большой знаток.

Затем он обращается к Адраниилу, который, согласно учению каббалы, является стражем врат небесных, и чей голос, объявляющий волю Творца, услышат двести тысяч миров. Каннингэм расспрашивает его о встрече с Моисеем. На очереди четырехкрылый Исрафаил, чьи ноги достигают седьмой вселенной, а голова упирается в небесный свод. В Судный День

Исрафаил вострубит о пришествии конца света. Как ни просит его Каннингэм хотя бы разок дунуть в трубу, практики ради, Исрафаил наотрез отказывается. Он не должен касаться своей трубы, не имея на то соизволения Всевышнего, а в программе Каннингэма такое соизволение не предусмотрено.

Когда разговоры с ангелами ему наскучат, Каннингэм приступит к своему ежевечернему программированию. Алгоритм работы он знает наизусть, и заложить в компьютер нового духа после того, как составлено полное описание, – для него минутное дело. Сегодня вечером его коллекцию пополнят еще девять ангелов. После этого он со спокойной душой открывает банку пива и откидывается в кресле. Рабочий день закончен.

Ему кажется, он понимает теперь, почему игра с компьютером так захватила его. Все дело в том, что на основной работе он занят тем, что изо дня в день приближает настоящий конец света, ибо разрабатываемые им модели массированного ядерного удара однажды будут использованы, и Земля низвергнется в пучину атомной войны. Шесть часов кряду он рассматривает многочисленные варианты гипотетических ситуаций: сторона А объявляет боевую готовность в ожидании ядерного удара со стороны Б. Сторона Б, в свою очередь, оценивает усиление активности стороны А как подготовку населению превентивного удара и сама начинает готовиться к отражению предполагаемой атаки. Получив наглядное подтверждение своим подозрениям в отношении стороны Б, сторона А продолжает наращивать военные приготовления. Эскалация продолжается до тех пор, пока ракеты той или другой стороны не взлетают в воздух. Как и многие другие здравомыслящие люди здесь и на стороне потенциального противника, Каннингэм понимает, что с каждым годом все реальнее становится вероятность фатальной ошибки компьютера, которая может привести к ядерной катастрофе, а высокий уровень технических систем, мгновенно готовых нанести удар, не оставит времени на исправление ошибки, даже если она будет обнаружена. Каннингэм знает также: современная техника позволяет смоделировать сигнал, аналогичный тому, который производит поднятая в воздух ядерная ракета. При поступлении такого сигнала требуется по меньшей мере одиннадцать минут, чтобы установить его достоверность, а это непозволительная роскошь в условиях, приближенных к боевым. И ответный удар последует без промедления.

Когда Каннингэм получил сигнал, имитирующий ядерную атаку, первым его побуждением было тут же уничтожить свои расчеты, но программа была так элегантна, так идеально красива,

что у него не поднялась рука. Докладывать начальству о своем открытии он пока не торопился, резонно опасаясь, что работа будет строжайше засекречена и выведена из-под его контроля. Он решил, что не имеет права сообщать о своих результатах, пока не разработает средство распознавания ложного сигнала, какую-нибудь систему резонансной проверки. Лишь тогда он пошлет рапорт в Министерство обороны и вложит в один конверт обе программы, одну – содержащую описание сигнала, способного ввести в заблуждение радары, и другую – описывающую методику его проверки. Но работа еще не завершена, и он продолжает нести на своих плечах тяжкое бремя ответственности за то, что скрывает информацию огромного стратегического значения. До сих пор ничего подобного ему делать не приходилось. У него нет заблуждений на свой счет, он не приписывает себе особой оригинальности мышления: если он сам дошел до этой мысли, то такая же идея могла придти в голову и какому-нибудь ученому на стороне противника. Разумеется, стимулировать начало боевых действий посредством ложного сигнала могут только самоубийцы. Ну и что? Как будто все, что до этого создавалось в лабораториях Министерства обороны, не самоубийство!

Сознание того, что, скрывая информацию, он совершает государственное преступление, гнетет его, отравляет ему жизнь. В последнее время он стал все больше сторониться людей, его преследуют ночные кошмары или терзает бессонница. Он совершенно потерял аппетит, выглядит измученным и похудевшим. Лишь вечерние встречи с ангелами на время отвлекают его от мрачных мыслей.

Несмотря на то, что Каннингэм в любом деле добивается точности и достоверности результатов, тут он нимало не колеблясь, дал волю своей фантазии и к сонму ангелов, известных человечеству, прибавил нескольких, изобретенных им самим. Среди них – Ураниэль, дух распада радиоактивных частиц с ликом, освещенным мерцанием электронных оболочек. Плод его воображения и Димитрион, ангел русской литературы, крылья которого повторяют форму санок, а голова припорошена русским снегом. Каннингэм не считает, что позволил себе слишком много: в конце концов компьютер его собственный, программы тоже. Да и прецеденты ему известны, не он первый стал изобретать своих ангелов. Взять хотя бы Уильяма Блейка, поэмы которого пестрят придуманными им ангелами: Урицен, Орк, Энитармон и прочие. Мильтон, по-видимому, тоже увлекся, свой «Потерянный рай» населил выдуманными им ангелами. Почему бы не внести свою лепту в пантеон небожителей и Дэну Каннингэму из Пало-Альте, Калифорния? Время от времени он позволяет себе

пофантазировать. Последняя его идея – всемогущий Базилиус, император и повелитель ангелов. Правда, Базилиус еще далек от завершения. Каннингэм не определил для себя его внешний облик, да и неясно, что поручить этому властелину ангелов. Трудно добавлять новых правителей в высшие эшелоны власти, сосредоточенной в руках архангелов Гавриила, Рафаила и Михаила. Значит, для Базилиуса нужно придумать что-нибудь особое. Сейчас Каннингэму не до него, он откладывает описание Базилиуса в сторону и начинает работать над новой программой. Ангел тишины и безмолвия смерти по имени Дума. Тысячеликий, вооруженный пылающим жезлом. Творческая манера Каннингэма становится все более мрачной.

Туманным, дождливым осенним вечером в его квартире раздается звонок из Сан-Франциско. Звонит женщина, с которой его связывают довольно-таки случайные отношения, и приглашает вместе отправиться в гости. Зовут ее Джоана, ей немного за тридцать, по образованию она биолог и работает в генетическом центре в Беркли. Пять или шесть лет назад у Каннингэма даже был с ней мимолетный роман. В то время она еще училась в Стэнфорде. С тех пор они перезваниваются от случая к случаю. Почти год от нее ничего не было слышно.

– Сборище будет занятное, – говорит она ему. – Один футуролог из Нью-Йорка. Томпсон, ну этот, биосоциолог. Парочка видеопоэтов. И еще специалист по языку обезьян. Остальных забыла, но все – интереснейшие люди.

Каннингэм терпеть не может компании. Они утомляют его и наводят смертельную скуку. «Какие бы они там ни были известные специалисты, размышляет он, – но продуктивный обмен информацией невозможен среди скопища случайных людей. Примитивная болтовня – вот лучшее, на что можно рассчитывать в подобной ситуации». Ему гораздо больше улыбается провести вечер за своим компьютером, чем тратить время на пустопорожние разговоры.

Впрочем, он давно никуда не ходил. Так давно, что сейчас даже не вспомнить, где был в последний раз. А ему полезно чаще появляться на людях, он сам это прекрасно знает, да и Джоана ему нравится, пора бы им уже и встретиться. Если он откажется от приглашения, она, чего доброго, еще несколько лет не позвонит. В этот ненастный октябрьский вечер он почувствовал себя расслабившимся, мягким и уступчивым, что было ему совсем не свойственно.

– Решено, – говорит он, – пойду с удовольствием.

Ехать им нужно было в Сан-Матео, в следующую субботу. Он записал адрес, и они договорились о времени встречи. «Из гостей

мы можем вместе вернуться ко мне, – размышлял он. – Матер всего в пятнадцати милях отсюда, а ей возвращаться в Сан-Франциско гораздо дольше». Неожиданный поворот мысли удивил его самого. А он-то считал, что такие дела его уже не интересуют.

За три дня до назначенного похода в гости он склоняется к тому, что нужно позвонить Джоане и отказаться. Ему неприятно даже думать о вечере, который будет загублен, о вечере, который ему предстоит провести в накуренной комнате среди незнакомых людей. Как он только мог согласиться?

А как приятно будет провести субботний вечер дома в беседах с Уриэлем, Итуриэлем, Рафаилом и Гавриилом.

Пока он идет к телефону, чтобы позвонить Джоане, внезапно охватившая его жажда одиночества пропадает так же неожиданно, как и появилась. Он пойдет в гости! Он хочет встретиться с Джоаной! К своему удивлению понимает, как ему необходимо изменить монотонное течение своей жизни, вырваться из своей квартирки, на время позабыть и о компьютере, и об ангелах.

Он уже представлял себя стоящим в центре ярко освещенной комнаты.

Нарядный особняк – сплошное стекло и красное дерево – расположился на живописном холме в пригороде Сан-Матео. Вот он поворачивается спиной к громадному, сверкающему окну и, держа в руке бокал, обращается к присутствующим, которые слушают его, затаив дыхание. Что ж, он готов поделиться с аудиторией своими уникальными, почерпнутыми из древних фолиантов, познаниями об ангелах.

– Всего их миллионов триста. Каждый отвечает за свое дело. Как известно, ангелы не обладают свободной волей. Церковь учит, что в момент своего рождения они встают перед выбором: быть им с Богом или пойти против Него, и выбор, который они сделают, раз и навсегда определит их судьбу: служить ли им силам добра или споспешествовать врагу рода человеческого. И еще, ангелы появляются на свет, уже подвергшись обрезанию. Таковы, по крайней мере, ангелы Очищения и ангелы Прославления.

– Означает ли это, что все ангелы изначально принадлежат к мужскому полу? – спрашивает какая-то женщина.

– Строго говоря, ангелы – существа бестелесные, а потому вопрос о принадлежности к тому или иному полу не имеет смысла. Но те религии, в которых существует культ ангелов, являются патриархальными в своей основе.

Соответственно, ангелы в воображении верующих приобретают мужской облик.

Хотя иной раз они могут изменять свой пол. Как говорит Мильтон в «Потерянном рае»: «Духи небесные, если желают, являются как в мужском, так и в женском обличье, столь нежна и податлива Высшей воле их чистая сущность». Некоторые ангелы, впрочем, тяготеют к женскому облику. Такова, например, Шекина, невеста Бога, олицетворение Его вечной славы, или София – ангел мудрости. Но бывает, и демоны скрываются под личиной женщины.

Лилит, первая жена Адама, настоящий демон похоти и сладострастия.

Его снова прерывает чей-то вопрос:

– Разве демонов можно считать ангелами?

– Конечно. Пусть это падшие, но все же ангелы, даже если мы, смертные, относим их к исчадиям ада.

Он продолжает говорить, увлекаясь все больше и больше? Гости ловят каждое его слово, точно откровение свыше. А сколько интересного знает он об ангельских ликах, начиная с высших, таких, как серафимы и херувимы, и кончая неисчислимым множеством других, низших. Он показывает сколь противоречивые, а порой и взаимоисключающие описания ангелов одного и того же лика содержатся у древних авторов. Большинство источников сходятся лишь в изображении архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила, а всего известно до девяноста тысяч ангелов уничтожения и триста ангелов добра и света.

Каннингэм разворачивает перед мысленным взором присутствующих леденящие душу картины Апокалипсиса, приход которого вострубят семь ангелов. Он готов рассказывать еще и еще: о том, какой ангел управляет каждым из семи дней недели, а какой – каждым часом дня и ночи. Он произносит таинственные, звучные имена, раздающиеся, словно заклинание: Задкиль, Хашмаль, Орфаниил, Йегудиил, Фалег, Загзагель. В этот вечер он на высоте.

Он в ударе. Речь его льется нескончаемым плавным потоком, расцвеченным блестками остроумия, озаренным светом сокровенного знания. Он стряхивает с себя наваждение. Он по-прежнему в своей комнате. Совсем один. Восхищенная, благодарно внимавшая его словам аудитория существовала лишь в воображении Каннингэма. Может быть и вправду лучше остаться дома? Нет, решает Каннингэм, он пойдет в гости. Он хочет этой встречи с Джоаной.

Он садится за компьютер и вызывает двух последних в этот вечер своих собеседников. Они являются вместе: омерзительный Бегемот, дух хаоса и тьмы, и с ним – Левиафан, огромное

чудовище морских пучин. Они кривляются на экране, устрашающе разевая рты. Они голодны. «Когда же настанет наш час?» – вопят они во всю глотку. Талмудисты считают, что эти монстры проглотят грешников в последний день Страшного суда. Каннингэм швыряет им электронных сардинок и поскорее отсылает прочь. Он закрывает глаза. Сейчас перед ним предстанет Потэх, ангел забвения, и Каннингэм провалится в глубокую черную бездну.

Утром на службе, занятый своим обычным делом – он разрабатывает программу по ликвидации помех для разведывательных спутников, – Каннингэм неожиданно ощущает сильную дрожь. Раньше ничего подобного с ним не случалось. Пальцы его свела судорога, ногти побелели, он стучит зубами от пронизывающего все тело холода. Ощущение такое, словно несколько суток ему не давали спать.

Склонившись над раковиной в туалетной комнате, он видит в зеркале собственное пожелтевшее, покрытое испариной лицо. Кто-то окликает его сзади:

– С тобой все в порядке, Дэн?

– Пустяки. Желудок что-то прихватило.

– Видишь, до чего доводит беспорядочная жизнь в нашем возрасте, поддевает его коллега, выходя.

Приличия соблюдены: вопрос, ничего не значащий ответ, дурацкая шутка – и распрощались. Сослуживец точно так же пошутил бы и прошел мимо, даже если бы с Каннингэмом приключился инфаркт. На работе у него нет близких друзей. Он прекрасно знает, что его считают человеком не от мира сего, и не просто забавным чудаком, а гораздо хуже: угрюмым брюзгой, который с годами все больше сторонится людей. Внезапно рождается мысль: «Мне ничего не стоит уничтожить весь этот мир. Получить доступ в святая святых Министерства обороны не так уж сложно. На все про все потребуется пятнадцать секунд машинного времени и, пожалуйста: через минуту все системы вооружений получают сигнал боевой готовности номер один, а еще через пять минут на землю ПОСЫПЛЮТСЯ бомбы. И все это могу сделать я. Хоть сейчас».

На него снова накатывает приступ тошноты, он сгибается над раковиной и долго не может разогнуться. Наконец ему становится легче, он ополаскивает лицо холодной водой и, приведя себя в порядок, возвращается на рабочее место, чтобы опять сосредоточиться на дисплее компьютера.

Вечером того же дня, размышляя, чем бы ему занять Базилиуса, Каннингэм поймал себя на том, что неотступно думает о демонах, скорее даже об одном из них, неизвестном

классической демонологии – демоне Максвелла.

Эта загадочная сущность, как заметил физик Джеймс Кларк Максвелл, ускоряет движение потока молекул в одном направлении и замедляет их движение в другом, повышая тем самым эффективность процессов нагревания и охлаждения.

А что если Базилиус возьмет на себя функцию своего рода дискриминатора, распределяющего ангелов в отведенные им места? На прошлой неделе высшие ангелы пожаловались на то, что они слишком близко соприкасаются с ангелами грешными. «На моем диске постоянно воняет серой, – заявил Гавриил, – и мне это не нравится». Нужно будет отдать в ведение Базилиуса размещение программ. Вот и нашлось ему дело: отправлять благородных духов в один сектор машины, а падших – в другой.

Проходит полминуты, и эта мысль, показавшаяся вначале интересной, перестает привлекать его. Нет, он недоволен собой. Для того чтобы разделить духов на чистых и нечистых, вовсе не требуется создавать особого ангела. Достаточно написать несложную программу. Каннингэм и не заметил, как нарушил свое собственное правило, когда-то выведенное им из кантовского категорического императива: «Никогда не подменяй ангелом обыкновенную программу». На лице у него впервые за эту неделю появилась улыбка. Не стоит усложнять себе жизнь даже специальной программой. Как будто он сам не может развести духов по разным углам, определить каждому свое место. Странно, раньше ему не приходило в голову устраивать им подобные резервации, но раз они сами жалуются на неприятное соседство…

Он начинает расписывать программу сортировки ангелов. В нормальном состоянии он затратил бы на эту работу несколько минут, но сейчас делает глупые ошибки, путается в расчетах, чего с ним не бывало никогда, и опять начинает все сначала. Потеряв терпение, стирает написанное. Придется Гавриилу еще денек потерпеть запах серы.

У него болят глаза. В горле пересохло. Он облизнул потрескавшиеся губы. Базилиус тоже может подождать, сейчас у Каннингэма нет желания заниматься его делами. Каннингэм наугад нажимает на клавиши, ему все равно, кто появится на экране. На него озадаченно смотрит незнакомый ангел с лицом, отливающим металлическим блеском. «Из самых первых он что ли?» – гадает Каннингэм.

– Не могу вспомнить, как тебя зовут, – говорит он. – Кто ты?

– Я Анафаксетон, – отвечает тот.

– Какое у тебя дело?

– Когда мое имя будет произнесено вслух, я дам сигнал ангелам собрать всякую тварь земную для Страшного суда.

– О, Боже, – стонет Каннингэм, – тебя мне только не хватает сегодня вместе со Страшным судом.

Он избавляется от Анафаксетона, но его уже сверлит мрачным взглядом Аполлион, изрыгающий пламя, покрытый рыбьей чешуей. За спиной у него крылья дракона, в медвежьих лапах зажат ключ от преисподней.

– Нет! – кричит Каннингэм. – Нет! Только не ты!

Он вызывает архангела Михаила с занесенным над Иерусалимом мечом, но тут же отсылает его обратно. На экране рябит от мелькания семидесяти тысяч ног и четырех тысяч крыльев. Это Азраил, ангел смерти.

– Нет! – снова кричит Каннингэм. – Не хочу тебя видеть!

Обиженные ангелы заполняют экран компьютера, мельтешат тысячи глаз, крыльев, рук и ног. Каннингэм вздрагивает и отключает аппаратуру на всю ночь. «О, Боже, – повторяет он, – Боже!» И всю ночь в его воспаленном мозгу полыхают слепящие протуберанцы.

В пятницу к его рабочему столу вразвалочку приближается начальник и проявляет несвойственный ему интерес к тому, как Каннингэм проводит свободное время. Каннингэм пожимает плечами.

– Так, ничего особенного. В субботу собираюсь в гости.

– А я вот подумываю, Дэн, может тебе съездить на рыбалку? Смотри, скоро дожди зарядят. Последние погожие денечки стоят.

– Рыбак из меня никудышный.

– Ну так съезди куда-нибудь. Хотя бы в Монтеррей. Тебе полезно сменить обстановку.

– К чему ты это клонишь, Нед?

– У тебя измученный вид, – сочувственно замечает начальник. – Хорошо бы тебе отдохнуть немного. По-моему, ты надорвался.

– Неужели это так заметно?

Начальник молча кивает.

– Работа у нас напряженная, ничуть не легче, чем у авиадиспетчеров, а ты перенапрягаешься. В таком состоянии можно пропустить что-нибудь на дисплее, и добром это, сам понимаешь, не кончится. Министерство обороны обойдется несколько дней без твоей персоны, так что отправляйся, дружище, куда-нибудь на природу. О кей? Возьми отгулы на понедельник и вторник. Я не могу позволить, чтобы такая совершенная машина, как твой мозг, съехала с катушек.

– Хорошо, Нед. Спасибо.

Он не может больше сдерживать дрожь в руках.

– Отдыхать начнешь сегодня же, – продолжает начальник. –

Нечего тебе тут болтаться до четырех часов.

– Ну, если можно…

– Давай, давай!

Каннингэм убирает в стол бумаги, запирает ящики и неуверенной походкой выходит из комнаты. Охранник дружелюбно кивает ему. Сегодня все, кажется, понимают, почему его отпустили пораньше. Значит так и происходит нервный срыв? Он долго слоняется по стоянке, никак не может вспомнить, куда поставил машину. Наконец, находит ее. Домой едет со скоростью тридцать миль в час, не обращая внимания на раздраженные гудки водителей.

Усталый плюхается в кресло перед компьютером и вызывает Араила. Ангел компьютеров наверняка уж не станет терзать его видениями Апокалипсиса.

– Мы разрешили проблему с Базилиусом, – говорит Араил.

– Вы?!

– Идея пришла Уриэлю, он заметил, что ты думаешь о демоне Максвелла.

Исрафаил и Азраил подработали первоначальный замысел. Нам не хватает ангела, который бы вершил божественный суд, отбирал лучших, оценивал каждого по делам его.

– Мысль не оригинальная, – замечает Каннингэм, – подобное божество имеется в каждой мифологической системе, начиная с шумерских и египетских верований, где уже было верховное существо, оценивавшее души мертвых одних в страну вечного блаженства, других в геенну огненную.

– Но это еще не все, – прерывает его ангел, – я не говорю о суде над отдельными душами.

– А что же ты хочешь предложить?

– Базилиус будет судить целые миры. Например, он может решать, не пора ли на этой планете назначить Судный День. Разумеется, после тщательного изучения каждой отдельной души.

– То есть он приведет в действие механизм Страшного суда?

– Именно. Он представит Всевышнему свое свидетельство об этой планете. Он даст сигнал Исрафаилу трубным гласом возвестить конец света.

Он громогласно произнесет имя Анафаксетона, собирая всех, живущих на земле пред Высшим судом. Он-то и будет главным ангелом Апокалипсиса, подлинным провозвестником Страшного суда и разрушителем миров. А что касается внешнего вида, мы тут подумали и решили, что можно сделать его похожим на…

– Довольно, – прерывает его Каннингэм, – об этом поговорим в другой раз.

Он снова отключает машину на ночь, наливает себе немного

выпить и придвигается к окну. Накрапывает дождь. Не лучшая погода для поездки за город.

Обстоятельства складываются неблагоприятным образом, но Каннингэм, несмотря ни на что, отправляется в гости. Джоаны не будет. Она позвонила ему в последний момент, чтобы извиниться. Сослалась на простуду, хотя по голосу не заметно. Впрочем, может быть это и так. А еще вероятнее, нашла себе более интересное занятие на субботний вечер. Но он уже настроился идти. И вот около восьми часов дождливым осенним вечером он подъезжает к Сан-Матео.

Дом, куда он приглашен, находится вовсе не в фешенебельном пригороде, как воображал Каннингэм, а в тесном, застроенном центре. Обстановка напоминает добрые старые студенческие времена: потертая мебель, дешевый стереопроигрыватель. В комнате звучит поп-музыка двадцатилетней давности, гости заняты нехитрой компьютерной игрой. Хозяин дома занимается торговлей компьютерами в большой компании в Сан-Хосе, и большинство гостей так или иначе связаны с этой сферой. Футуролог из Нью-Йорка не приехал, как, впрочем, и разрекламированный Джоаной биосоциолог. Видеопоэты – обычная парочка голубых, которые заняты только друг другом и напитками. Специалист по языку обезьян, краснолицый, разомлевший от избытка спиртного субъект, развлекает пухлую дамочку, увешанную побрякушками с астрологической символикой. Каннингэм проходит сквозь толпу гостей. Он не заговаривает ни с кем, и никто не обращается к нему. Замечает открытые бутылки красного вина на круглом столике возле окна и подходит, чтобы наполнить свой бокал.

Он так и остается здесь, скованный странным оцепенением, и представляет, как он мог бы начать свой захватывающий рассказ об ангелах. Рассказать ли им, как Итуриэль поразил своим копьем Сатану в райских кущах, когда враг рода человеческого склонился к Еве, нашептывая ей греховные слова? Он мог бы поведать им о могущественном иерархе Атафиэле, поддерживающем небесный свод тремя пальцами. Но он не произносит ни слова. К нему подходит худощавая женщина, глаза ее поблескивают любопытством.

– А вы чем занимаетесь? – спрашивает она.

– Я программист, – отвечает Каннингэм. – В основном я веду беседы с ангелами, но в свободное время делаю кое-что для Министерства обороны.

Она заливается пронзительным смехом.

– Вы разговариваете с ангелами? Ничего подобного в жизни не слыхала!

– Я не ошиблась, вы упомянули ангелов? – вступила в разговор дама, перегруженная астрологической символикой.

Каннингэм с улыбкой пожимает плечами и отворачивается к окну. Дождь усиливается. «Надо собираться домой. Торчать здесь не имеет смысла», думает он и снова наполняет свой бокал. Специалист по языку обезьян, кажется, всерьез настроен увести с собой астрологическую даму, но та норовит избавиться от него и придвинуться ближе к Каннингэму. Для чего?

Поговорить с ним об ангелах? Он присматривается к ней получше: тяжелый бюст, вид какой-то неряшливый. Нет, он не хочет обсуждать с ней свои дела.

Да и вообще он никому больше не собирается рассказывать про своих ангелов.

Она продолжает:

– Мне показалось, вы интересуетесь проблемой ангелов… Дело в том, что я тоже. Я изучала…

– Ангелы? – не дает ей договорить Каннингэм. – Ничего подобного, вы ослышались.

– Подождите!

Она пытается что-то объяснить, но он, не дослушав, поднимается и выходит. Он выходит прямо в дождливую октябрьскую ночь. Долго ищет ключ от машины, не сразу открывает дверцу. Домой возвращается около полуночи.

Каннингэм вызывает Рафаила. Архангел излучает мягкое золотистое сияние.

– Базилиусом будешь ты, – объявляет Рафаил. – Мы решили большинством голосов.

– Как я могу стать ангелом? Я же человек, – протестует Каннингэм.

– Ничего страшного. Прецедентов хватает. Енох вознесся на небо и стал ангелом. Такая же история произошла с Ильей. Святой Иоанн-креститель тоже был ангелом. Программу для тебя мы уже составили. Она готова и заложена в компьютер. Стоит тебе вызвать Базилиуса, и ты сам убедишься в этом: ты увидишь себя на экране.

– Нет.

– Но почему ты отказываешься?

– А ты и в самом деле Рафаил? Соблазняешь меня, точно демон-искуситель. Может ты Асмодей, Астарот, Бельфегор? Признайся!

– Я Рафаил, а вот ты Базилиус.

Каннингэм задумывается, но от усталости не может сосредоточиться.

Надо же, ангел! Базилиус. А почему бы и нет? Вот так, в

ненастный осенний вечер приезжаешь с больной головой из кретинской компании, а тебе объявляют, что ты ангел, да еще причисленный к высшему лику. А может так лучше? Почему бы не попробовать, черт побери?

– Ладно, – соглашается он, – пусть я буду Базилиус.

Он нажимает на клавиши и связывается с компьютером Министерства обороны. Еще несколько нажатий на клавиши, и он посылает сигнал, имитирующий начало боевых действий компьютерам на советской стороне. Для верности. Пусть обе стороны получат этот сигнал. У этой планеты остается шесть минут мирной жизни. Шесть минут жизни вообще. Нет, он допустит ошибки. Сигнал будет принят. Все-таки специалист Каннингэм первоклассный.

Немногие знают программирование так, как он.

Перед ним снова является Рафаил.

– Пока еще есть время, вызови Базилиуса. Ты должен посмотреть на себя со стороны.

– Ну, конечно. Что я должен наорать?

Каннингэм начинает набор.

Явись, Базилиус! Мы с тобой одно целое!

Каннингэм с изумлением вглядывается в экран, а часы продолжают отсчитывать последние минуты этого мира.